

© ЭО, 2004, № 5

Т. П. Федянович

ИССЛЕДОВАНИЯ В.Н. БЕЛИЦЕР ФИННО-ЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Вера Николаевна Белицер (1903–1983 г.г.), одна из старейших сотрудников Института этнографии АН СССР, была известным специалистом по этнографии народов Поволжья и Приуралья и внесла существенный вклад в их изучение.

С 1925 г., после окончания этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук МГУ Вера Николаевна работала в Москве в Центральном музее народоведения (позже – “Музей народов СССР”). Здесь она проработала до 1941 г., почти ежегодно выезжая в экспедиции в целях изучения культуры и быта народов Поволжья и Приуралья. В 1925–1928 годах она участвовала в исследовании различных групп мордвы, в 1930, 1931, 1937 и 1938 годах – удмуртов, в 1932–1934 годах – башкир. В этих поездках Верой Николаевной был собран богатый материал, который она использовала для создания многих выставок по истории и этнографии народов Поволжья. Для этих выставок Вера Николаевна подготавливала специальные брошюры. Полевые материалы легли в основу многих научных публикаций¹.

В 1943 г. Вера Николаевна, будучи уже опытным полевым работником, специалистом по музейно-экспедиционной методике, поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР (в тот год была создана его московская часть).

В 1945 г. Вера Николаевна успешно защитила кандидатскую диссертацию “Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу”. Это было первое увидевшее свет специальное исследование по данной проблеме. В 1951 г. диссертация была опубликована отдельной книгой².

Основными источниками для диссертации послужили полевые материалы, собранные В.Н. Белицер во время экспедиционных поездок к удмуртам в 1930, 1931, 1937 и 1938 годах. Кроме того, были привлечены и данные этнографической литературы, а также музейные материалы: Музея Народов СССР, Этнографического музея в Ленинграде (по-видимому, это Государственный музей этнографии народов СССР, ныне Российский этнографический музей. – Т.Ф.), Музея художественных ремесел в Загорске и областного музея в Кирове.

В народной одежде удмуртов В.Н. Белицер выявила два основных локальных комплекса – северный и южный. Первый по покрою и украшениям в прошлом был близок к костюмам марийцев и мордвы, а в более позднее время на нем ощутимо отразилось русское влияние. Второй, южный комплекс, отражал древние связи со степными культурами юга, а позднее – с татарской культурой. В костюме *бесермян* В.Н. Белицер отметила очень древние черты, общие с чувашами и башкирами, а также с мордвой-*терюханами*. На основании этих данных исследовательница сделала вывод о том, что бесермяне являются потомками древнего дотатарского, вероятно, болгарского населения. Таким образом, анализ данных о традиционной удмуртской одежде подвел к выводу об этнической истории этого народа.

Эта работа В.Н. Белицер получила высокую оценку рецензентов. Один из ведущих специалистов по Урало-Поволжскому региону археолог А.П. Смирнов писал: “Подводя итоги этому исследованию по этногенезу удмуртов, автор пришел к хорошо обоснованным выводам о наличии двух комплексов одежды, соответствующих

двум диалектам удмуртского языка. Эти два костюма в основном совпадают с территориальными границами племен *вятка* и *келмес* (курсив мой. – Т.Ф.). Народная одежда несет в себе, помимо местных, другие черты, связанные с элементами, заимствованными у соседних народов, и отражает длительный исторический путь. Исследование В.Н. Белицер значительно продвигает вперед изучение этногенеза удмуртского народа и по существу впервые дает историческую интерпретацию удмуртской народной одежды. К этой книге будут обращаться все занимающиеся изучением вопроса этногенеза народов Поволжья и Приуралья³.

В дальнейшем Вера Николаевна продолжила изучение культуры народов Поволжья и Приуралья.

Начиная с 1945 г., во многих районах страны, в том числе и в Коми АССР, Институт этнографии АН СССР стал широко развертывать экспедиционные исследования. Работы в Коми АССР проводились по инициативе Правительства и научных учреждений этой республики. Этнографическое изучение коми было частью большого комплексного исследования, организованного совместно несколькими Институтами АН СССР – Истории, Этнографии, Истории материальной культуры, Научной базы АН Коми АССР. С целью изучения материальной культуры, общественных отношений и религии коми была организована серия экспедиций, рассчитанных на несколько лет.

Комплексную археолого-этнографическую экспедицию возглавил Н.Н. Чебоксаров. Активное участие в этнографических исследованиях народов коми приняла и В.Н. Белицер. Осенью 1945 г. этнографический отряд под ее руководством в течение двух месяцев работал на территории двух районов Коми АССР: в Сысольском, – южном, сельскохозяйственном районе, и в более северном, Железнодорожном, где население, наряду с земледелием, занималось лесоразработками, охотой и рыболовством.

Экспедиция изучала хозяйственные занятия населения этих районов – (земледелие, охота, рыболовство), ремесла (гончарство и ткачество) и различные стороны материальной и духовной культуры (поселения, жилище, хозяйственные постройки, одежду). Удалось собрать материал и по таким вопросам, как древнее родовое устройство, религиозные представления, обрядность. Были записаны также поверья, приметы и обряды, связанные с постройкой дома, охотничьим и рыболовным промыслами, а также песни, плачи, большое количество пословиц и загадок. Экспедиция 1945 г. стала первым шагом в деле более глубокого изучения культуры коми и вопросов происхождения этого народа, а также его культурных связей с соседними народами. Ее итоги были подведены В.Н. Белицер в статье “Работа этнографического отряда комплексной экспедиции в Коми АССР”⁴.

В марте 1946 г. Комплексная экспедиция, организованная Институтом этнографии АН СССР и Базой АН Коми АССР, продолжила работы, начатые в 1945 г. Под общим руководством Н.Н. Чебоксарова действовали два отряда – антропологический и этнографический.

Этнографический отряд работал с 13 марта по 14 апреля в Усть-Куломском районе Коми АССР, расположенном в юго-восточной части республики. Основное население изучавшегося района – коми составили выходцы из разных мест, о чем свидетельствовала их неоднородность в диалектном отношении. Русские переселенцы 1930-х годов и более раннего времени были уже ассимилированы коми. Основным занятием населения Усть-Куломского района было земледелие и огородничество; определенное значение в хозяйстве сохраняли охота и рыболовство. По данным экспедиции, охота имела неодинаковое значение в хозяйстве населения различных частей района: в его северной части она сохраняла полупромысловый характер, а в южной лишь немногие жители занимались ею как любители. Охотники использовали традиционный охотничий инвентарь, имели одну-две охотничьи избушки. Экспедиция изучала также способы и орудия ловли рыбы, домашние производства – обработку льна, плетение поясов при помощи бердечка.

Были зафиксированы некоторые особенности местного похоронного обряда – использование в качестве гробов сосновых колод – *чурок*, которые перевозили на кладбище в любое время года на санях, выкуп для покойного места на кладбище⁵.

Во время экспедиций 1945 и 1946 годов в Коми АССР, а также исследований 1947 и 1948 годов в Коми-Пермяцком национальном округе (Юсьвинский, Кочевский, Гайинский р-ны), и среди язвинских коми-пермяков, живущих в Красновишерском р-не в Молотовской (ныне Пермской) области, В.Н. Белицер собрала большой материал по народному изобразительному искусству этих народов (до того времени оно было слабо изучено). Он был обобщен исследовательницей в статье “Народное изобразительное искусство коми”⁶. Рассмотрев узорное ткачество, вышивку, набойку, вязаные изделия, архитектурные украшения построек коми-зырян и коми-пермяков, В.Н. Белицер отметила, что народное изобразительное искусство этих народов развивалось во взаимодействии с русским народным искусством, сохраняя при этом свою специфику.

С 20 июля по 5 октября 1950 г. этнографическая экспедиция под руководством В.Н. Белицер работала в северных р-нах Коми АССР – Троицко-Печорском, Кожвинском, Усинском и Ижемском, расположенных по течению рек Печоры, Усы и Ижмы.

Ее основными задачами были изучение путей заселения бассейна Печоры и формирования культуры печорских коми, а также освещение современного быта и культуры населения этих районов. Собранные экспедицией материалы позволили в целом осветить характерные черты культуры печорских коми и сделать предварительные выводы. Они были подведены В.Н. Белицер в двух публикациях⁷. Материалы экспедиции показали, что население обследованных районов отчетливо делится на две группы: 1) *верхнепечорских* и 2) *нижнепечорских* – *коми ижемцев*, различных по происхождению, особенностям культуры и диалектов; прослеживаются между ними и антропологические различия. Различны пути формирования этих групп. Первые поселенцы на Верхней Печоре, как отмечала В.Н. Белицер, появились во 2-ой половине XVII в.; большинство из них составляли коми-старообрядцы. Возможно, считала она, сюда переселялись коми и с Сысолы, и из других районов, в частности, с Верхней Вычегды.

Этнографические материалы, собранные в Троице-Печорском районе, показали, что местный, древний культурный пласт, характерный для всех групп коми, на Верхней Печоре более полно прослеживается в охотничье-рыболовном хозяйстве, а также в промысловом костюме и во временных постройках, связанных с промысловым бытом (типичная для всех коми лесная избушка, амбар-кладовая, постройки на рыбном промысле и др.).

Процесс формирования нижнепечорских коми, по мнению В.Н. Белицер, шел иначе – он протекал в бассейне Ижмы в XVI в. В культуре ижемцев исследовательница выделила три пласта: местный, условно названный охотничье-таежным; земельческий, аналогичный земледельческой культуре русских Европейского Севера, и более поздний – оленеводческий, связанный с культурой ненцев.

Вера Николаевна отметила, что местный, древний пласт в культуре ижемцев значительно слабее, чем у верхнепечорских коми. Здесь сильнее ощущаются связи с культурой русских, населявших районы Мезени, и русских поморов. Это проявляется в использовании однотипных сельскохозяйственных орудий, сходстве в жилище и одежде. Это дало ей основание сделать вывод о том, что именно из районов расселения русских на Мезени и русских поморов шел колонизационный поток на Ижму. Тесная связь с севернорусской культурой прослеживается и в обычаях и фольклоре ижемцев. На Ижме и Нижней Печоре издавна были распространены смешанные браки русских и коми. Поэтому В.Н. Белицер предположила, что в состав ижемцев вошло и северное русское население, в частности, с Печоры.

Экспедицией изучались не только традиционные формы народной культуры, но и современное хозяйство, жилище, одежда и др. Было установлено, что в советское

время происходило стирание локальных особенностей в культуре верхнепечорских и нижнепечорских коми, утрачивались различия в диалектах, реже употреблялось самоназвание нижнепечорской группы *изва тас*.

Происходили изменения и в хозяйстве, в охотничьем и рыболовном промыслах: земледелие продвигалось на север, развивалось огородничество, животноводство. Оленеводство проникало в более южные районы, в частности, в верховья Печоры.

В 1951 г. экспедиция под руководством В.Н. Белицер работала среди коми-пермяков Зюздинского р-на Кировской области, изученных до того в этнографическом отношении весьма слабо: еще не были исследованы процессы заселения верхней Камы, проблема этногенеза этой группы, ее этническая специфика.

Результаты этой поездки были опубликованы В.Н. Белицер в статье “У зюздинских коми-пермяков”⁸. Она отметила, что самосознание в этой группе было выражено “не вполне отчетливо”: некоторые затруднялись определить свою этническую принадлежность и считали себя кто русскими, кто коми. В большинстве же случаев зюздинцы называли себя пермяками, но отличали себя от коми-пермяков, живущих в Коми-Пермяцком национальном округе. Коми-пермяки Зюздинского района в равной мере владели и родным, и русским языками.

Материальная культура зюздинских коми-пермяков близка в некоторых отношениях к культуре тех, кто населяет Коми-Пермяцкий национальный округ, а в других – к культуре более южной, *иньвенской группы* коми-пермяков. Заметна и близость культуры зюздинских коми-пермяков к культуре русских Кировской области. Вера Николаевна объясняла это тем, что русские и коми-пермяки в течение столетий живут на одной территории, в одинаковых природных условиях, вступают в национально-смешанные браки.

По мнению В.Н. Белицер, первые поселенцы Зюздинского края, вероятнее всего, были выходцами из соседних районов, расположенных в бассейнах рек Иньвы и Кувь, а также из районов Чердыни, Косы и Гайн.

Летом 1952 г. экспедиция под руководством В.Н. Белицер продолжила работы в Удорском р-не Коми АССР, расположенном в северо-западной части республики, в верховьях рек Мезени и Вашки. В то время в некоторые деревни, удаленные от районного центра – села Кослан – на 150–200 км., осенью и весной можно было добраться только верхом. Этот район был мало изучен и в археологическом, и в этнографическом отношениях. В задачи экспедиции входил сбор материалов по культуре и быту удорских коми.

Коми составляли основную часть населения Удорского района, но в низовьях рек Вашки и Мезени жили и русские. Соседство с русским населением, хозяйственно-экономические связи двух народов наложили отпечаток на материальную и духовную культуру коми; это нашло отражение и в их языке. В прошлом основными занятиями удорских коми были охота и рыболовство. Этнографы зафиксировали богатую и детализированную терминологию, свидетельствующую о древности этого занятия. Охота и в 1950-е годы частично сохраняла промысловый характер: бывать еще охотничий костюм, использовались традиционные способы охоты. Рыболовством у удорских коми занимались не только мужчины, но и женщины, в основном для домашнего потребления.

Экспедиционные материалы показали, что земледелие на Удоре имело ограниченное распространение, однако происхождение его древнее. Еще в начале XX в. здесь местами сохранялось подсечное земледелие. Длительное время этим делом занимались в основном женщины, так как мужчины охотились или уходили на лесозаготовки.

В 1950-е годы, когда на Удоре работала экспедиция, основная масса местного населения занималась земледелием и скотоводством; развивались огородничество, которое ранее здесь не было известно, а также птицеводство и свиноводство. В некоторых колхозах были небольшие стада оленей. Значительная часть населения была

занята на рубке, вывозке и сплаве леса, так как Удорский р-н почти сплошь занят лесом.

Изучение форм поселений, их планировки, жилища, хозяйственных построек показало, что они в основе были того же типа, что и в других районах республики, хотя имели и некоторые отличительные черты.

Этнографы рассмотрели и народный костюм, включая прически девушек и женщин. Комплекс женской одежды и его отдельные детали в целом близки к костюму русских, некоторые отличия от него прослеживаются лишь в деталях покроя, отделке и терминологии. Мужская одежда на Удоре не отличалась от мужского костюма коми других районов. В селениях, расположенных по нижнему течению Вашки и Мезени, была распространена одежда из оленьего меха.

Экспедиция уделяла большое внимание сбору материалов по семейному быту: была записана полная терминология родства, зафиксированы свадебные обряды, в которых прослеживались в то время отдельные традиционные черты, изучались похоронные обряды, хранившие традицию наиболее устойчиво.

Были отмечены и культурные сдвиги в жизни населения Удорского р-на – строительство школ, домов культуры, библиотек, развитие художественной самодеятельности, рост местной интеллигенции.

Собранный во время этой экспедиции материал выявил много общего в материальной и духовной культуре коми Удорского р-на с культурой русских, в частности русского населения Архангельской области, районов Онеги, Северной Двины, Мезени. При этом В.Н. Белицер выделила ранние и поздние заимствования у русских, первые из которых органически вошли в культуру коми⁹.

Таким образом, экспедиционные работы под руководством В.Н. Белицер проводились во многих районах Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа. При выборе районов исследования учитывались такие характеристики, как географическое положение, природные условия, а также хозяйственная деятельность населения, история заселения и др. Это давало возможность выявить в изучаемом районе общие с другими районами и специфические черты материальной и духовной культуры и в результате представить культуру народов коми во всем ее многообразии.

О подходе В.Н. Белицер к изучению народной культуры можно судить по ее статье “Методические указания к полевому сбору материалов по народной одежде”¹⁰. В ней уделено большое внимание подготовке исследователя к выезду в поле: рекомендовалось предварительно познакомиться с литературой по хозяйству и истории изучаемого района или народа, с общими работами по одежде и специальной литературой по более узким темам. До выезда в поле необходимо также изучить фонды местных музеев. Методы изучения народной одежды, считала В.Н. Белицер, зависят от той цели, которую ставит перед собой исследователь. При углубленном изучении комплекса культурных явлений на ограниченной территории применим стационарный метод, а при широком тематическом исследовании – маршрутный. При описании народной одежды широко и успешно используется и комбинированный метод, при котором основной материал по поставленной теме собирается путем стационарного исследования, а сравнительный – маршрутным. По мнению В.Н. Белицер для правильного изучения народной одежды необходимы дополнительные сведения о других сторонах народной культуры и истории народа. Только таким путем прослеживается происхождение отдельных форм одежды и их развитие. В то же время материалы по народной одежде, считала исследовательница, могут быть использованы для решения различных исторических проблем – происхождения народа, его культурно-исторических связей и др.

Многие общие методические рекомендации В.Н. Белицер для сбора материалов по народной одежде, содержащиеся в этой статье, полезны и при исследовании других элементов народной культуры.

Собранные В.Н. Белицер во время экспедиционных поездок в самые отдаленные районы расселения коми-зырян и коми-пермяков обширные уникальные материалы послужили основным источником при создании капитальной работы о культуре народов коми. Наряду с ними автор использовал рукописные материалы и материалы этнографических коллекций местных краеведческих и центральных музеев, а также литературу по истории, археологии и этнографии народов коми. Монография В.Н. Белицер «Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в.»¹¹ была опубликована в 1958 г. и успешно защищена ею в качестве докторской диссертации в 1959 г. В этом историко-этнографическом исследовании автор осветила различные стороны жизни двух близко родственных народов в их историческом развитии; в каждом разделе основному материалу, относящемуся к XIX – началу XX вв., предшествует экскурс в более ранние эпохи, вплоть до глубокой древности. А в конце работы дается обзор их состояния на 1950-е годы.

В книге подчеркивается, что коми-зыряне и коми-пермяки близки по культуре и языку, а также по происхождению. Показаны численность и расселение этих народов, дана характеристика их языка и их этнографических групп. Автор рассмотрела и историю заселения этнической территории коми, проследила связи древних культур Прикамья с населением причерноморских степей и племенами северо-востока Европы, в том числе и со славянами, которые особенно усилились в XII в.

В заключении монографии исследовательница на основе представительных этнографических материалов, а также данных антропологии и языка сделала вывод о сложности и разнообразии народной культуры коми. Она показала, что в ходе исторического развития предки коми входили в соприкосновение с различными народами, которые частично принимали участие в формировании народов коми, их отдельных этнографических групп.

Разнообразие хозяйственной деятельности и культуры определяется, по мнению автора, и характером расселения этих народов на обширной территории, входящей в различные географические зоны.

Сравнительный анализ этнографических материалов позволил В.Н. Белицер выявить в культуре коми разновременные черты, многие из которых относятся к глубокой древности, бытовали на всей территории лесной полосы Восточной Европы, а частично и в Западной Сибири.

Для коми, как и для других народов, населяющих лесную таежную полосу Восточной Европы, был присущ комплексный тип хозяйства, включавший на ранних ступенях общественного развития такие занятия, как охота и рыболовство, а позднее – подсечное огневое земледелие, скотоводство.

В их как материальной, так и духовной культуре много черт, общих с культурой соседних народов, живущих в той же лесной полосе, хотя их языки принадлежат к различным языковым группам. Она полагала, что эти общие черты относятся к древней культуре пеших охотников и лесных земледельцев, живших здесь до того, как сформировались современные народы.

В.Н. Белицер считала, что многие культурные явления, встречающиеся у народов, населяющих лесную полосу Восточной Европы, а частично и Западной Сибири, принадлежат финно-угорским народам. Это прослеживается в материальной культуре (характерный на определенном этапе развития финно-угорских народов конусообразный шалаш, а позднее сруб с кострищем посередине или печкой-каменкой, женская туникообразная рубаха, украшенная вышивкой из шерсти или шелка и др.), в терминах родства, в народных верованиях (культ растительности, представления о лесных обитателях и др.).

Вместе с тем в хозяйстве и культуре коми есть и черты, общие не только с народами, говорящими на финно-угорских языках. Так, коми-зыряне, живущие по Средней Вычегде, Мезени и Вашке, а также по Средней Печоре и Ижме, по культуре близки к карелам и русским Архангельской области. Это нашло отражение в заня-

тиях населения, особенно в охоте, рыболовстве, а также в типе расселения, особенностях жилого дома. Сходные черты прослеживаются и в некоторых поверьях.

В целом в результате анализа этнографических материалов В.Н. Белицер пришла к выводу о том, что в культуре финноязычных народов нельзя выделить какие-либо специфические черты, сближающие их с представителями пермской языковой группы, кроме языковой близости. По ее мнению, отсутствие особого культурного единства между народами финно-угорской языковой семьи свидетельствует об очень большой древности языковой общности этих народов, которая относится к тому отдаленному времени, когда этнические особенности, отмеченные в 1950-е годы, еще не сложились. Поэтому, по мнению автора, неправомерно искать особую близость в современной культуре разных финно-угорских народов.

Более ощутимы в культуре народов коми длительные и тесные контакты с русскими и их культурой. Коми вошли в соприкосновение с русскими в то раннее время, когда их народная культура окончательно еще не сформировалась; усваивая многие культурные достижения своих русских соседей, коми перерабатывали их по-своему, обогащая тем самым свою культуру и передавая русским навыки, выработанные в условиях таежной природы. Многие районы северо-восточной окраины Европы осваивались коми и русскими совместно (в Коми-Пермяцком национальном округе встречаются целые районы, заселенные русскими переселенцами XVII–XVIII вв.). Определенную роль в освоении ряда районов на Язьве, Печоре и Вычегде сыграли русские старообрядцы.

Положительно на развитие культуры коми, полагала В.Н. Белицер, повлияли русские крестьяне, вывезенные из центральных районов России на территорию края для работы на заводах. Сближению русских и коми, по мнению В.Н. Белицер, способствовала и общая религия. Автор считала, что коми от русских заимствовали трехполье, способ сушки снопов в ямном и верховом овинах. Но особенно четко это влияние прослеживается в комплексе народной одежды: мужской костюм коми ничем существенно не отличался от костюма русских, живущих в соседних северных районах; близка к русским образцам верхняя одежда – мужская и женская, а также обувь. Много аналогий между женскими головными уборами. Ранние самобытные черты в одежде коми прослеживаются в некоторых женских головных уборах, разноцветных тканых поясах, охотничьей обуви и других предметах народного костюма, которые вместе с более поздними заимствованиями (частично переработанными) составили народный комплекс традиционной одежды.

Заметны следы русского влияния и в строительной технике, и в типах жилища (хотя, судя по археологическим материалам, срубная техника была известна коми до контактов с русскими). В народной кухне коми можно выделить блюда как самобытные, так и характерные для русской кухни.

Более поздними заимствованиями коми от русских автор считала транспортные средства: четырехколесную телегу, тарантас, дрожки, а также большую часть конской сбруи. Значительно больше самобытных черт отмечено для водных средств передвижения.

Много самобытного сохранилось в охотничьем и рыболовном комплексе коми: родовые охотничьи уголья, промысловый охотничий костюм, ручные нарты, лыжи, подбитые мехом и др. К русским заимствованиям автор отнесла ружье – *пищаль*, компас – *матку*, а также некоторые приемы ружейной охоты.

В сложном комплексе народных верований, поверий, обрядов, по мнению В.Н. Белицер, трудно выделить явления местные и заимствованные от русских: вероятно, русские элементы рано вошли в культуру коми, еще в то время, когда оба народа совместно осваивали лесные северо-восточные районы Европы.

От ненцев был заимствован весь комплекс оленеводческого хозяйства в основном, не ранее XVI в., когда коми (ижемцы) появились на Ижме и Печоре.

Главный пафос книги – показ сложной культуры народа коми, обогащенной заимствованиями из культурного фонда соседствовавших народов.

Удачно дополняют книгу указатель терминов на языках коми и многочисленные иллюстрации, всесторонне освещающие культуру и быт описанных народов; среди них немало фотографий и зарисовок, исполненных автором.

Капитальная монография В.Н. Белицер не утратила своей научной значимости и в наши дни. До настоящего времени она остается единственным исследованием, принадлежащим перу одного автора, в котором так полно и всесторонне освещаются культура и быт двух близко родственных народов. К нему обращаются все, кто в той или иной мере прикасается к народной культуре народов коми, изучает их историю.

Вера Николаевна внесла существенный вклад и в изучение мордвы, самого крупного финно-язычного этноса на территории нашей страны. В 1950–1970-е годы Институтом этнографии АН СССР в ряде регионов проводились масштабные комплексные экспедиции, в задачи которых входило всестороннее изучение культуры и этнической истории народов. Активное участие в этих исследованиях приняла и В.Н. Белицер. В 1953 г. она возглавила Комплексную Мордовскую этнографическую экспедицию, организованную Институтом этнографии АН СССР совместно с Мордовским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. В антропологических работах экспедиции принимала участие видный эстонский антрополог К.Ю. Марк – сотрудник Института истории Академии наук Эстонской ССР. Основной задачей экспедиции было всестороннее изучение культуры мордовского народа. Особое внимание уделялось вопросам этнической истории и тем этнокультурным связям, которые отразились на развитии мордовской культуры. (Не случайно в ней участвовали наряду с этнографами фольклористы, языковеды, антропологи).

Маршруты экспедиции проходили по территории Мордовской АССР, а также по всему Среднему Поволжью: в Куйбышевской (теперь Самарской), Оренбургской, Пензенской, Ульяновской областях и в Татарской, Башкирской, Чувашской АССР¹². Экспедиция вела работу как среди двух основных этнических групп мордвы – *эрзи* и *мокши*, так и среди ее более мелких этнических и этнографических подразделений – мордвы-*каратаев*, мордвы-*терюхан*, *теньгушевской мордвы-эрзи* или *шокши* и др. Собранный полевой материал позволил по-новому, весьма полно осветить сложные проблемы этногенеза и этнической истории мордовского этноса, в том числе его историко-культурных связей с соседними народами Поволжья и с русскими, дать подробную характеристику его материальной и духовной культуры, языка и фольклора, декоративно-прикладного искусства и т.д.

В результате многолетних исследований мордвы опубликовано несколько статей и три тома Трудов Мордовской этнографической экспедиции (Новая серия Трудов Института этнографии АН СССР), в подготовке которых В.Н. Белицер принимала активное участие.

В первый том вошла ее статья о мордвях-каратаях¹³. Материалы о каратаях были собраны во время работы экспедиции в 1956 и 1958 годах в трех селениях Камско-Устьинского р-на Татарской АССР (Мордовские Каратаи, Шершалан и Заовражные Каратаи). Хотя вопрос о происхождении мордвы-каратаев неоднократно поднимался исследователями, он не получил однозначного решения. На основе анализа хозяйственных занятий, материальной культуры (орудия труда, жилище, пища, одежда), а также терминологии родства и обрядности, Вера Николаевна пришла к выводу о том, что в культуре мордвы-каратаев сочетаются эрзянские и мокшанские элементы (в особенности в костюме и орнаменте). Явно прослеживается и русский слой. Влияние русской культуры шло, в основном, через переселенцев из центральных и северных губерний России. По своему антропологическому типу каратаи близки к мордвям: по одним признакам – к мокше западных районов Мордовии, по другим – к эрзе. Все эти данные подвели автора к выводу: каратаи – это небольшая локальная группа мордовского народа, смешанная (эрзя-мокшанская) по своему составу, утратившая в результате длительного проживания среди тюркоязычных народов свой

язык и перенявшая татарский. Влияние соседнего русского населения привело к утрате каратаями многих самобытных черт культуры.

Во втором томе Трудов Мордовской этнографической экспедиции “Исследования по материальной культуре мордовского народа” опубликованы две статьи В.Н. Белицер. В основе первой из них, посвященной постройкам мордвы-мокши на территории Мордовской АССР¹⁴, полевые материалы, собранные во время экспедиционных выездов 1953–1959 годов, дополненные архивными данными (в частности, отчетами этнографа Н.И. Спрыгиной, работавшей среди мордвы в 1923–1925 годах). Рассмотрев мокшанские постройки примерно за столетие, Вера Николаевна пришла к выводу, что в южных районах Мордовской АССР они наиболее близки к южнорусским, а в северо-западных районах – к среднерусским. При этом граница распространения типов среднерусских крестьянских построек постепенно продвигалась все дальше на юг. Несмотря на общий с русскими тип и жилых, и хозяйственных построек, мокшанские крестьянские постройки значительно долше, чем русские, сохраняли некоторые архаичные черты. Это объясняется, по мнению автора, более медленным развитием в дореволюционной мокшанской деревне общественной и хозяйственной жизни. В годы экспедиционных работ в домостроительстве у мордвы-мокши прослеживались те же тенденции, что и в соседних русских деревнях.

В основе второй статьи о мордовских поселениях и постройках первой половины XX в.¹⁵ в р-нах, смежных с Мордовской АССР, лежат полевые материалы, собранные участниками Мордовской этнографической экспедиции в 1956 г. среди мордвы-терюхан Горьковской области (села Большое и Малое Сеськино и Мокраши) и в 1957–1958 годах – среди мокши и эрзи Пензенской области, мордвы-каратаев, мокши и эрзи Татарской АССР, а также в Ульяновской, Куйбышевской, Оренбургской областях. Обобщив эти данные, В.Н. Белицер пришла к выводу о том, что для мордвы, живущей за пределами Мордовской АССР, характерны овражно-долинный тип заселения и крупные села с двухрядной уличной планировкой. Она выделила также три варианта жилых домов и хозяйственных строений, определяющих характер застройки мордовских сел в разных районах, назвав их условно северным, южным и средним. При этом за основу группировки были взяты: постройка дома по отношению к улице, наличие или отсутствие сплошной наружной глиняной обмазки, форма крыши, наличие сеней и материал, из которого они построены, а также внутренняя планировка жилого дома, тип двора и связи хозяйственных построек с домом.

В.Н. Белицер сообщила об отсутствии каких-либо особенностей в жилых и хозяйственных постройках мордвы-мокши, отличающих их от построек мордвы-эрзи. Различия в застройке мордовских сел в обследованных районах объясняются не этнической принадлежностью их жителей, а природными и климатическими условиями, наличием строительного материала, развитием экономики района и т.д.

Традиционные черты мордовского жилища с каждым годом уходят в прошлое; жилые и хозяйственные постройки мордвы за пределами Мордовской АССР почти ничем не отличаются от построек русского населения соседних сел.

Третий том “Трудов экспедиции” – это капитальная монография В.Н. Белицер “Народная одежда мордвы”¹⁶ – итог ее многолетнего изучения одежды мордвы, всех ее этнических и этнографических, а также региональных групп. Как и в монографии по народам коми, в ней дана широкая историческая картина развития народной одежды мордвы с привлечением археологических данных, коллекций различных музеев страны, а также фольклорно-лингвистического материала.

Мордовская народная одежда рассматривается в книге не только как важный, знаковый элемент культуры, но и как исторический источник, который дает возможность проследить различные этапы этнической истории народа. В.Н. Белицер полагала, что в народной одежде отражаются взаимовлияния и контакты мордвы с соседними и более дальними народами, что она хранит напластования, относящиеся к разным эпохам.

Вера Николаевна связывала развитие мордовского народного костюма с основными историческими периодами в жизни народа. По ее мнению, костюм мордовских племен сформировался в домонгольский период. Она полагала, что в то время на его развитие оказал влияние костюм народов юга, в частности скифо-сармат и волжских булгар. Во время господства в Среднем Поволжье монгольских завоевателей и татарских ханов в костюме мордвы не произошло существенных изменений, так как его комплекс уже сложился. Вместе с тем в этот период более широкое распространение получили некоторые его элементы: одежда, сшитая в талию, металлические украшения, кольца, серьги. После того, как мордва вошла в состав Русского государства, мордовская народная одежда, особенно мужская, претерпела существенные изменения.

В конце XIX – начале XX в. все большее распространение получали фабричные ткани, кожаная и резиновая обувь. Исчезали сложные головные уборы, упрощалась вышивка. Некоторые группы мордвы, особенно жившие по соседству с русскими, стали носить костюм русских крестьян. Процесс перехода на городские формы одежды ускорился в 1930–1940-е годы. При этом у мордвы-эрзи народный костюм перестал бытовать целиком, а у мордвы-мокши вначале исчезали наиболее архаичные головные уборы, лапти и т.д. Еще в 1970-е годы в костюме мокшанок сочетались современные и традиционные элементы.

Вера Николаевна полагала, что ко времени исследования мордовский костюм, почти исчезнувший из повседневного быта, сохранял в определенной мере роль этнического символа и свою эстетическую ценность: его носят участники хоровых и танцевальных коллективов, используют в своем творчестве художники-модельеры.

В результате детального и всестороннего изучения и анализа материалов по женской одежде мордвы Вера Николаевна пришла к выводу о том, что одежда ее отдельных групп при всем своеобразии в своей основе едина. К общим чертам она отнесла белый холст – основной материал для изготовления одежды, туникообразный покрой рубахи, верхнюю белую распашную одежду туникообразного покроя, отделку одежды плотной вышивкой, преимущественно из шерсти красно-кирпичного и черного цветов, своеобразные украшения из бисера, металла, монет и раковин каури, плетеную из лыка обувь, сапоги “гармошкой” и др.

Автор подробно останавливается и на тех различиях, которые были характерны не только для одежды основных групп мордвы – эрзи, мокши, терюхан и каратаев, но и их локальных подразделений.

Отдельная глава монографии посвящена исследованию общих черт в одежде и технике изготовления тканей у мордвы и соседних народов. Рассмотрев эти параллели, В.Н. Белицер выделила в мордовском народном костюме три пласта: первый, более ранний, который она называет северным, лесным; он связан с одеждой других финно-язычных народов региона. Второй пласт отражает связи с культурой кочевых степных народов более южного происхождения, в основном, тюркоязычных. Третий пласт, условно названный автором лесостепным, связан с русской культурой. В нем прослеживаются разновременные – более ранние и более поздние – заимствования.

Книга по народной одежде мордвы, так же, как и монография по этнографии народов коми, богато иллюстрирована, содержит словарь терминов на мордовских языках. Своей работой В.Н. Белицер внесла весомый вклад в изучение этого яркого элемента материальной культуры мордовского этноса¹⁷.

В 1960-х годах выходила из печати серия “Народы мира”, где обобщался опыт этнографического изучения стран и народов всего земного шара. Народам Европейской части СССР были посвящены два тома, в одном из которых В.Н. Белицер принимала активное участие, в качестве члена редколлегии и автора нескольких глав. Ею написаны главы “Коми”, “Коми-пермяки”, “Мордва”¹⁸, а также “Удмурты” (при участии А. Новицкой)¹⁹.

В.Н. Белицер во время экспедиции в Коми-Пермяцкий национальный округ, 1940–1950-е годы.

Мордовская этнографическая экспедиция. В пензенском краеведческом музее.

В эти же годы готовились к изданию книги серии “Очерки общей этнографии”. Для выпуска “Европейская часть СССР” Вера Николаевна подготовила главы: “Народы Северо-запада СССР”²⁰ и “Народы Поволжья и Прикамья”²¹. К составлению этих текстов привлекались и другие авторы: в разделе “Карелы” участвовала Р.Ф. Тароева, “Саамы” – Т.В. Лукьянченко, “Чуваши” – П.В. Денисов, “Поволжские татары” – Р.Г. Мухомедова, в разделе “Башкиры” участвовали Р.Г. Кузеев и С.Н. Шитова.

Для определителя “Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.)” В.Н. Белицер написала разделы “Финно-угорские народы Европейского Севера”²² и “Народы Среднего Поволжья и Приуралья”²³. Она была автором многих статей по народам Поволжья для Большой Советской Энциклопедии и других изданий.

На конференции в Уфе. 1969 г.

В.Н. Белицер (в центре) в мокшанском costume. Беседа с информаторами. Мордовия. 1965 г.

В.Н. Белицер была делегатом VII Международного конгресса антропологических и этнологических наук (Москва, 1964), Международного конгресса финноугроведов (Будапешт, 1970) и многих других конгрессов и конференций, на которых выступала с докладами об этнических процессах у народов Поволжья, о проблемах их этногенеза и этнических взаимодействий и др.

Своим богатым опытом исследователя-полевика и знаниями по этнографии волжско-финских и пермских народов Вера Николаевна щедро делилась с коллегами; она была научным консультантом в отделении истории АН СССР, а также в научных учреждениях республик Коми, Карелии, Башкирии, Татарии. Ученики и аспиранты В.Н. Белицер работают в разных республиках Поволжья и Приуралья; многие из них стали известными учеными.

Автору этих строк в течение многих лет довелось работать вместе с В.Н. Белицер, в том числе и во время подготовки рукописи монографии «Очерки по этнографии народов коми» к печати, а также участвовать в работе Мордовской этнографической экспедиции, которую в 1950–1960-е годы возглавляла Вера Николаевна.

В.Н. Белицер была доброжелательным, простым в общении с людьми человеком. В экспедиционных отрядах, которыми она руководила и в которых, как правило, были люди разных специальностей (этнографы, лингвисты, фольклористы, антропологи) и разных национальностей, неизменно устанавливались дружеские отношения, царил атмосфера большой семьи. Вера Николаевна всегда бережно заботилась о сотрудниках экспедиции и неизменно находила общий язык с информаторами, увлеченно и скрупулезно собирая материал для научных исследований. Она являла собой замечательный пример для молодых исследователей-этнографов, стойко перенося трудности непростых полевых условий и утомительных переездов.

До конца жизни В.Н. Белицер была связана с Институтом этнографии. С 1968 по 1978 г. она была старшим научным сотрудником-консультантом, а когда по состоянию здоровья ушла на пенсию, была зачислена на общественных началах на должность старшего научного сотрудника.

Примечания

¹ Мари (применительно к коллекциям Ц.М.Н.). М., 1928; Удмурты: проспект традиционной этнографической экспозиции Центрального музея народоведения и Вотского областного музея. Б.м., 1931; Обзор работ этнографической экспедиции 1930 года // Удмурты. Ижевск, 1931; Предварительный отчет об экспедиции в Удмуртскую АССР летом 1938 г. // Зап. Удмуртского науч.-иссл. ин-та. Вып. 8. Ижевск, 1938; У башкирских детей // Игрушка. 1938, № 6.

² Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. серия (далее – ТИЭ). Т. X. М., 1951.

³ Советская этнография (далее – СЭ). 1952. № 1. С. 219.

⁴ Белицер В.Н. Работа этнографического отряда комплексной экспедиции в Коми АССР // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР (далее – КСИЭ). Вып. II. 1947. С. 59–63.

⁵ Подробнее о работе этой экспедиции см.: Белицер В.Н. Отчет о работе комплексной экспедиции в Коми АССР // КСИЭ. Вып. III. 1947. С. 3–12.

⁶ Она же. Народное изобразительное искусство коми // КСИЭ. Вып. X. 1950. С. 15–28.

⁷ Она же. О формировании культуры верхнепечорских и нижнепечорских коми // СЭ. 1952. № 1. С. 60–74; Она же. Этнографические работы на Печоре // КСИЭ. Вып. XIV. 1952. С. 23–33.

⁸ Она же. У зюдинских коми-пермяков // КСИЭ. Вып. XV. 1952. С. 27–38.

⁹ Подробнее об итогах работы этой экспедиции см.: Белицер В.Н. Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР в 1952 году // КСИЭ. Вып. XIX. 1953. С. 16–27.

¹⁰ Она же. Методические указания к полевому сбору материалов по народной одежде // КСИЭ. Вып. XVIII. 1953. С. 81–90.

¹¹ Она же. Очерки по этнографии народов коми. XIX – начало XX в. ТИЭ. Т. XLV. М. 1958.

¹² Она же. Работа Мордовской этнографической экспедиции в 1953–1957 гг. // СЭ. 1958. № 4. С. 117–128.

¹³ Она же. Мордва-каратаи и их культура (к вопросу о происхождении) // Тр. Мордовской этнографической экспедиции. Вып. I. (Вопросы этнической истории мордовского народа). ТИЭ. Т. LXIII. М. 1960. С. 227–255.

¹⁴ Она же. Жилье и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX – первой половине XX в. // Тр. Мордовской этнографической экспедиции. Вып. II. (Исследования по материальной культуре мордовского народа). ТИЭ. Т. № 86. М., 1963. С. 161–191.

¹⁵ Она же. Обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. в районах, смежных с Мордовской АССР // Там же. С. 210–249.

¹⁶ Она же. Народная одежда мордвы // Тр. Мордовской этнографической экспедиции. Вып. III. ТИЭ. Т. 101. М., 1973.

¹⁷ Рец. на эту книгу В.Н. Белицер см.: Бусыгин Е.П., Халиков А.Х. // СЭ. 1974. № 4. С. 176–178. Об исследованиях В.Н. Белицер по мордве также см.: Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск. 1993. С. 161–165.

¹⁸ Народы Европейской части СССР. Т. II. М., 1964. С. 399–471, 548–597.

¹⁹ Там же. С. 472–509.

²⁰ Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968. С. 314–338.

²¹ Там же. С. 339–438.

²² Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX в.). Определитель. М., 1971. С. 260–287.

²³ Там же. С. 288–350.

T.P. Fedianovich. V.N. Belitser's Research on Finnic-Speaking Peoples of Volga and Ural Regions

The essay is an examination of contributions made to the ethnography of Finnic-speaking peoples of Volga and Ural regions by Vera Nikolaevna Belitser (1903–1983). The author pays particular attention to Belitser's works on the Udmurt, Komi, and Mordva, written in the 1930s–1960s. She argues that these works, which contain unique materials collected during Belitser's field trips, retain their significance for anthropological study of the regions up to the present day.